

УДК 821.111-32(73)

ББК 84(7Сое)-44

П41

По, Эдгар Аллан.

П41 Убийство на улице Морг. Мистические рассказы / Эдгар Аллан По ; [перевод с английского Михаила Энгельгардта]; иллюстрации Артура Рэхема, Гарри Кларка, Густава Уидни. — Москва : Эксмо, 2023. — 400 с. : ил.

ISBN 978-5-04-170877-1

Наполненные загадками и мистикой новеллы Эдгара Аллана По послужили основой для развития двух популярнейших жанров: классического детектива и психологической прозы. В книгу вошли 14 рассказов, в том числе «Убийство на улице Морг», «Тайна Мари Роже», «Золотой жук» и другие. Чёрно-белые иллюстрации в стиле модерн.

УДК 821.111-32(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-170877-1

© Оформление. 000 «Издательство «Эксмо», 2023

УБИЙСТВО НА УЛИЦЕ МОРГ

*Какую песню пели Сирены
или какое имя носил Ахиллес,
в то время как скрывался среди женщин, —
вопросы, конечно, любопытные,
но совершенно неразрешимые.*

СЭР ТОМАС БРАУН

Так называемые аналитические способности ума почти не доступны анализу. Мы знаем только их проявления. Мы знаем также, что они являются источником живейших наслаждений для того, кто обладает ими в более чем обыкновенной степени. Как сильный физически человек радуется своей силе, прилагая её к мускульным упражнениям, так аналитический ум торжествует, предаваясь распутывающей деятельности. Он охотно берётся за самые тривиальные занятия, если только они дают ему возможность приложить к делу свои способности. Он радуется всяким загадкам, заговоздкам, иероглифам, обнаруживая при разъяснении их остроумие, которое простым смертным кажется сверхъестественным. Результаты его, вытекающие из методического и обдуманного исследования, кажутся плодом вдохновения.

Способность к распутыванию загадок, вероятно, усиливается изучением математики, в особенности её высшего отдела, несправедливо называемого анализом, как бы *par excellence*¹. Но соображать не значит анализировать. Шахматный игрок, например, соображает, не прибегая к анализу. Отсюда следует, что характер шахматной игры, в смысле упражнения ума, понимается совершенно превратно. Я не намерен писать трактат на эту тему, я просто хочу высказать несколько замечаний, скорее догадок, в виде предисловия к нижеследующему рассказу. Итак, я утверждаю, что высшие способности мышления более связаны с простой игрой в шашки, чем с затейливыми тонкостями шахмат. В этой последней игре, где фигуры имеют различные и причудливые ходы и представляют разную степень силы, сложность принимается за глубину (ошибка довольно обыкновенная). Здесь требуется главным образом внимание. Ослабей оно хоть на минуту — упущение сделано, и вся игра расстроена или пропала. А возможность ходов не только разнообразных, но и в обратном направлении, усиливает шансы на подобное упущение, так что в девяти случаях из десяти выигрывает самый сосредоточенный, а не самый остроумный из игроков. Напротив, в шашках, где в сущности только один ход, который варьирует очень мало, вероятность прозевать незначительна,

---

¹ Преимущественно (*франц.*).

особенного внимания не требуется, и победа зависит единственно от пронизательности. Чтобы пояснить это конкретным примером, представим себе партию в шашки, в которой остались только четыре дамки, и, следовательно, рассеянность ни при чём. Очевидно, здесь победа зависит (при равенстве игроков) от какого-нибудь особенного *gêcherche*¹, движения, результата сильного напряжения мысли. Лишённый обычных ресурсов аналитик проникает в душу противника, отождествляется с нею и нередко сразу видит тот единственный способ (иногда до нелепости простой), с помощью которого можно вовлечь его в ошибку или ускорить неверный расчёт.

Вист издавна считается игрой, требующей значительной силы соображения; гениальнейшие люди нередко предавались ему с увлечением, тогда как к шахматам относились пренебрежительно. Без сомнения, никакая другая игра не требует такой способности к анализу. Первый в мире шахматист может быть только шахматистом; но умение играть в вист свидетельствует о способности ко всяким другим, более важным предприятиям, в которых ум борется с умом. Говоря «умение», я подразумеваю то мастерство игры, при котором пользуются всеми законными средствами, дающими перевес игроку. Они не только многочисленны, но и многообразны,

---

¹ Поиска (*франц.*).

и часто заключаются в таких тонких психологических комбинациях, которые недоступны обыкновенному пониманию. Внимательно наблюдать — значит ясно помнить: в этом отношении внимательный игрок в шахматы будет хорошо играть в вист, так как правила игры, основанные на изучении её механизма, понятны и общедоступны. Но искусство аналитика проявляется в таких вещах, которые не подчиняются правилам. Он делает тихомолком массу наблюдений и заметок. Так же, быть может, поступают и его товарищи; но различие в ценности добытого таким образом материала зависит не столько от наблюдаемого объекта, сколько от качества наблюдения. Необходимо знать, что следует наблюдать. Наш игрок не сосредоточивается на чём-либо одном; не ограничивается непосредственным объектом — игрою, а извлекает указания и из других источников. Он наблюдает приёмы своего партнёра, сравнивая их с приёмами противников. Он замечает, как кто держит и подбирает карты; и часто угадывает онёры¹ или козыри на руках соседа, по взглядам, которые тот бросает на свои карты. Он следит за игрой физиономий во время игры и находит богатый материал для выводов в выражениях уверенности, удивления, торжества или досады. По манере брать взятку он заключает, есть ли на руках другая. По манере бросать карту догадывается

---

¹ Он ё р — старшая козырная карта.

об умышленно неправильном ходе. Случайное или неосторожное слово; случайно упавшая или отвергнувшаяся карта и выражение беспокойства или равнодушия, с которым её прячут; счёт взяток и порядок их размещения; нерешительность, колебание, поспешность или робость — всё даёт ему точные указания на положение игры, хотя с виду кажется, будто он действует по вдохновению. После двух-трёх сдач он уже знает карты в каждой руке и ходит наверняка, как будто бы карты соседей были открыты.

Аналитическую способность не следует смешивать с простой изобретательностью, так как аналитик всегда изобретателен, а изобретательный человек часто совершенно неспособен к анализу. Творческая или комбинирующая способность, в которой проявляется обыкновенно изобретательность и для которой френологи¹ (я думаю, ошибочно) указывают особый орган, считая её первичной способностью, так часто проявляется у людей, которые в других отношениях приближаются к идиотизму, что это обстоятельство давно уже обратило на себя внимание писателей и философов. Различие между изобретательностью и аналитической способностью гораздо больше, чем между фантастичностью и воображением, но такого же рода. Изобретательные

---

¹ Френолог — последователь френологии, учения о связи характера человека со строением его черепа.

люди всегда фантазёры, а истинное воображение всегда свойственно аналитическим умам.

Нижеследующий рассказ послужит читателю как бы комментарием к вышеизложенным соображениям.

Проживая в Париже весной и летом 18..., я познакомился с г. Огюстом Дюпенем. Это был молодой человек хорошей, даже знатной фамилии, но сцепление обстоятельств довело его до крайней нищеты, сломившей его энергию, так что он покорился судьбе и перестал добиваться положения и богатства. Благодаря любезности кредиторов, у него остались кое-какие крохи наследственного состояния; на них он и жил, удовлетворяя самым необходимым потребностям с помощью строгой экономии и не заботясь об излишествах. Единственная роскошь, которую он позволял себе, были книги, но в Париже это обходится недорого.

В первый раз мы встретились в одной маленькой библиотеке на Монмартре. Оказалось, что мы оба разыскивали одну и ту же весьма редкую и замечательную книгу; это обстоятельство и сблизило нас. Мы стали встречаться всё чаще и чаще. Меня крайне заинтересовала его семейная история, которую он рассказал мне с чисто французской откровенностью. Я поражался также его начитанностью, а главное, его причудливое, пыльное, живое воображение воспламеняло и меня. Ввиду цели моего тогдашнего пребывания в Париже, общество такого человека являлось для меня бесценной находкой,

и я откровенно сообщил ему об этом. В конце концов мы решили поселиться вместе, и так как мои денежные обстоятельства были в несколько лучшем состоянии, чем его, то он согласился, чтобы я нанял и меблировал в фантастическом стиле, соответствовавшем нашим характерам, курьёзный ветхий домишко, разрушавшийся в глухом уголку Сен-Жерменского предместья и давно оставленный жильцами из-за каких-то суеверий, о которых мы не заботились.

Если бы посторонние знали о нашем образе жизни в этом домике, мы, без сомнения, прослыли бы сумасшедшими — хотя, быть может, безвредными. Мы жили отшельниками. Посетители к нам не заглядывали. Я не сообщал никому из своих прежних знакомых адрес нашего жилища, а Дюпен давно уже раззнакомился со всеми. Мы удовлетворялись собственным обществом.

Одной из причуд моего друга (ибо как же иначе это назвать?) было пристрастие к ночи, к темноте; я тоже поддался этой *bizarterie*¹, как и другим его фантазиям. Печальная богиня не всегда была с нами, но мы умели подделать её присутствие. При первых лучах рассвета мы запирали массивные ставни нашего старого дома и зажигали пару восковых свечей, которые, распространяя сильное благоухание, озаряли комнату бледным, зловещим светом. При этом освещении мы предавались

---

¹ Странность (франц.).

мечтам, читали, писали, беседовали, пока часы не возвещали нам о наступлении настоящей ночи. Тогда мы выходили из дома и гуляли по улицам, рука об руку, продолжая нашу беседу, или бродили до позднего часа, находя среди света и теней многолюдного города материал для бесконечных наблюдений и размышлений.

Во время этих прогулок я не мог не заметить и не подивиться (хотя глубокий идеализм моего другаставлял ожидать этого) замечательным аналитическим способностям Дюпена. По-видимому, ему самому доставляло большое удовольствие применять их к делу — а может быть, и обнаруживать перед другими, — в чём он и признавался откровенно. Он хвастался мне, слегка подсмеиваясь, будто для него открыты сердца почти всех людей, — и подтверждал это на деле поразительными доказательствами, обнаруживавшими глубокое знание моего сердца. В такие минуты он был холоден и рассеян, глаза его блуждали, а голос — сильный тенор — становился пронзительным и показался бы крикливым, если бы не совершенная обдуманность и ясность речи. Наблюдая его в такие минуты, я часто вспоминал старинную философию о раздвоении души, и фантазия рисовала мне двух Дюпенов: созидающего и разрушающего.

Не вздумайте заключить из моих слов, что я излагаю какую-нибудь тайну или сочиняю роман. Всё, что я рассказал об этом французе, было только результатом возбуждённого, быть может, нездорового рассудка.

Но следующий пример может дать понятие о характере его наблюдений.

Однажды ночью мы шли по длинной грязной улице близ Пале-Рояля. Каждый из нас был занят своими мыслями, и в течение по крайней мере четверти часа мы не обменялись ни словечком. Вдруг Дюпен прервал молчание:

— Действительно, он совсем карлик и больше бы годился для Théâtre des Variétés¹.

— Без сомнения, — отвечал я машинально, не заметив в эту минуту (до того я был поглощён своими размышлениями), как странно слова Дюпена согласовались с моими мыслями. Но в ту же минуту я опомнился, и изумлению моему не было границ.

— Дюпен, — сказал я серьёзным тоном, — это выше моего понимания. Не стану и говорить, как я изумлён: едва верю своим ушам. Как могли вы догадаться, что я думаю о... — тут я остановился, чтобы проверить ещё раз, действительно ли он знает, о ком я думаю.

— ...о Шантильи, — подхватил он, — что же вы остановились! Вы говорили самому себе, что его незначительная фигура не подходит к трагедии.

Именно это и было предметом моих размышлений. Шантильи, quondam² сапожник в улице Сен-Дени,

---

¹ Театр Варьете (франц.).

² Некогда (лат.).

увлётся театром и, выступив в роли Ксеркса в трагедии Кребильона, был жестоко осмеян за своё исполнение.

— Объясните мне ради бога, — сказал я, — метод, если только тут может быть какой-нибудь метод, с помощью которого вы проникли в мою душу. — В действительности я был ещё сильнее поражён, чем показывал.

— Продавец фруктов, — отвечал мой друг, — привёл вас к заключению, что этот «сапожных дел мастер» недостаточно высок для Ксеркса et id genus omne¹.

— Продавец фруктов!.. вы удивляете меня!.. я не знаю никакого продавца фруктов.

— Человек, который столкнулся с вами на углу четверть часа тому назад.

Тут я припомнил, что на повороте из улицы С... меня чуть не сбил с ног торговец с корзиной яблок на голове: но я не мог понять, какое это имеет отношение к Шантильи.

В Дюпене не было и тени шарлатанства.

— Я сейчас вам объясню, — сказал он, — и чтобы вы ясно поняли меня, прослежу весь ход ваших мыслей от настоящего момента до того столкновения с продавцом яблок. Вот главные звенья цепи — Шантильи, Орион, д-р Никольс, Эпикур, стереотомия, груды булыжников, продавец яблок.

---

¹ И ему подобных (лат.).

Почти всякому случалось хоть раз в жизни исследовать постепенный ход своих мыслей, приведших к известному заключению. Занятие это часто исполнено интереса; и тот, кто берётся за него в первый раз, поражается кажущимся отсутствием связи и безграничным расстоянием между исходным пунктом и заключением. Каково же было моё изумление, когда я услышал слова француза и не мог не согласиться, что он сказал совершенную правду. Он продолжал:

— Сколько помню, мы толковали о лошадях перед самым поворотом с улицы С... То была последняя тема нашего разговора. Когда мы свернули в эту улицу, продавец фруктов с большой корзиной на голове, бежавший куда-то, толкнул вас на грудь булыжников, сложенных в том месте, где чинилась мостовая. Вы наступили на камень, поскользнулись, слегка ушибли ногу, пробормотали несколько слов с сердитым или беспокойным видом, повернулись и взглянули на грудь камней, — затем молча пошли дальше. Я не особенно внимательно следил за вами; но в последнее время наблюдение сделалось для меня почти необходимостью.

Вы шли, опустив глаза, сердито поглядывая на рытвины и выбоины мостовой (стало быть, думали ещё о камнях), пока мы не дошли до переулка Ламартина, вымощенного, в виде опыта, тёсаными камнями. Тут ваше лицо просветлело, и по движению ваших губ я догадался, что вы прошептали слово «стереотомия» —

термин, который почему-то применяется к этого рода мостовым. Я знал, что слово «стереоотомия» должно вам напомнить об атомах и, следовательно, о теориях Эпикура; и так как в нашем последнем разговоре на эту тему я сообщил вам, как удивительно — хотя это остаётся почти не замеченным — смутные изыскания благородного грека подтверждаются новейшей небулярной космогонией, то и мог ожидать, что вы невольно взглянете на большое туманное пятно Ориона. Вы взглянули на него; это убедило меня, что я действительно угадал ваши мысли. Но в насмешливой статье о Шантильи, во вчерашнем номере *Musée*, автор, издеваясь над сапожником, переменившим фамилию при поступлении на сцену, цитировал латинский стих, о котором мы часто говорили. Вот он:

*Perdidit antiquum litera prima sonum*¹.

Я говорил вам, что это относится к Ориону, называвшемуся раньше Урионом, и связанная с этим объяснением игра слов заставляла меня думать, что вы не забыли его. В таком случае представление об Орионе должно было соединиться у вас с представлением о Шантильи. Что такое сопоставление действительно мелькнуло у вас, я заметил по вашей улыбке. Вы задумались о фиаско бедняги сапожника. До тех пор вы шли вашей обычной походкой, теперь выпрямились.

---

¹ Утратила былое звучание первая буква (лат.).

Очевидно, вы подумали о малом росте Шантильи. Тут я прервал нить ваших мыслей, заметив, что он, Шантильи, действительно карлик и был бы больше на месте в Théâtre des Variétés.

Вскоре после этого случая мы просматривали как-то вечером «Газетт де Трибюн», где прочли следующую заметку:

«**Н**еобыкновенное убийство. Сегодня около трёх часов утра обитатели квартала Сен-Рош были разбужены страшными криками, доносившимися, по-видимому, из четвёртого этажа одного дома в улице Морг, единственными жильцами которого были некая мадам Л'Эспанэ и её дочь мадмуазель Камилла Л'Эспанэ. После неудачной попытки проникнуть в дом обычным порядком дверь была выломана и человек восемь или десять вошли в сопровождении двух жандармов.

Тем временем крики прекратились, но когда толпа поднялась на первую площадку лестницы, можно было слышать голоса ссорившихся людей, два или три, раздававшиеся из верхней части дома.

Со второй площадки уже ничего не было слышно. Толпа разбрелась, осматривая комнаты. В большой комнате четвёртого этажа (дверь которой пришлось сломать, так как ключ оказался внутри) глазам явившихся открылось зрелище, поразившее всех ужасом и изумлением.

В комнате был страшный беспорядок, мебель изломана и разбросана. Бельё и тюфяки, сброшенные с кровати, валялись на полу. На стуле лежала окровавленная бритва. В печке нашли несколько густых длинных ключев седых человеческих волос, тоже окровавленных. На полу валялись четыре наполеондора, топазовая серёжка, три больших серебряных ложки, три поменьше из мельхиора и два мешка, в которых оказалось около четырёх тысяч франков золотом. Ящики комода и стола были выдвинуты и очевидно ограблены, хотя многие вещи остались на месте. Маленький несгораемый сундук оказался под тюфяком (не под кроватью). Он был открыт, и ключ ещё находился в замке. В нём оказалось только несколько писем и неважных бумаг.

Никаких следов госпожи Л'Эспанэ не было видно, но, заметив в камине необычайное количество сажки, жандармы исследовали трубу и (страшно сказать!) вытащили оттуда тело дочери, засунутое туда вниз головой. Оно ещё не остыло и было покрыто ссадинами; на лице оказались глубокие царапины, на шее чёрные полосы и глубокие следы ногтей, как будто покойная была задушена.

Обыскав весь дом и не найдя ничего больше, отправились на маленький дворик позади дома и здесь нашли труп госпожи Л'Эспанэ с перерезанным почти начисто горлом, так что, когда тело подняли, голова отвалилась. Голова и тело были страшно обезображены, первая едва

СЕГОДНЯ ОКОЛО
ТРЕХ ЧАСОВ УТРА ОБИТАТЕЛИ
КВАРТАЛА СЕН-РОШ БЫЛИ
РАЗБУЖЕНЫ СТРАШНЫМИ
КРИКАМИ...

сохранила облик человеческий. Это ужасное происшествие остается пока совершенно неразъяснённым».

На следующий день в газете явились дополнительные сведения:

«Драма в улице Морг. Несколько лиц были подвергнуты допросу по поводу этого необычайного и страшного происшествия, но из их показаний не выяснилось ничего, что бы могло бросить свет на эту загадку. Мы сообщаем ниже сущность показаний.

Полина Дюбур, прачка, объясняет, что она знала обеих покойниц три года, стирала на них. Старая дама и её дочь были, по-видимому, в хороших отношениях — очень привязаны друг к другу. Платили они очень аккуратно. Ничего не знает об образе их жизни и средствах. Предполагает, что госпожа Л'Эспанэ была ворожейей. По слухам, у неё водились деньги. Никогда никого не встречала у них. Убеждена, что у них не было прислуги. Кажется, мебель имелаась только в четвёртом этаже.

Пьер Моро, содержатель табачной лавочки, доставлял госпоже Л'Эспанэ нюхательный табак в течение четырёх лет. Родился в этом квартале и никогда не покидал его. Покойница с дочерью жили в доме, где были найдены их тела, шесть лет. Раньше его занимал золотых дел мастер, сдававший верхние этажи внаймы. Дом принадлежал госпоже Л. Она отказала золотых дел мастеру

и сама поселилась в доме; квартир не сдавала. Старуха впала в детство. Свидетель встречался с её дочерью пять-шесть раз за все шесть лет. Обе жили очень уединённо, по слухам, имели деньги. Слышал от соседей, будто госпожа Л. занимается гаданьем, но не верит этому. Никогда не замечал, чтобы кто-нибудь входил в дом, кроме госпожи Л. и её дочери, дворника и врача. Многие другие лица, из числа соседей, дали такие же показания. Никто из них не посещал дом. Неизвестно, были ли у госпожи Л. и её дочери какие-нибудь знакомые. Ставни в переднем фасаде редко открывались. В заднем были всегда заперты, во всех комнатах, кроме той, где совершилось убийство. Дом хороший, не очень старый.

Исидор Мюзе, жандарм, объясняет, что его позвали в дом около трёх часов утра. У подъезда собралось человек двадцать или тридцать, старавшихся выломать дверь. Он растворил её не ломом, а штыком. Это не представило особенных затруднений, так как дверь была с двумя половинками и не заперта на задвижку ни вверху, ни внизу. Крики продолжались, пока дверь не была отворена, затем внезапно стихли. По-видимому, кричал (или кричали) кто-то в жестоких мучениях, крики были громкие и протяжные, а не короткие и отрывистые. Свидетель побежал вверх по лестнице. Достигнув первой площадки, услышал голоса ссорившихся, один грубый, другой визгливый, очень странный голос. Разобрал несколько слов, произнесенных грубым голосом на французском языке.

Положительно утверждает, что это не был женский голос. Слышал слова «sacré»¹ и «diable»². Визгливый голос принадлежал иностранцу. Не может сказать положительно, был ли это женский или мужской голос. Не знает, на каком языке он говорил, но думает, что на испанском. Состояние комнаты и тел этот свидетель описал так же, как мы вчера.

Анри Дюваль, сосед, по ремеслу серебряник, объясняет, что он один из первых вошёл в дом. В общем подтверждает показание Мюзе. Войдя в дом, они затворили за собою дверь, чтобы удержать толпу, которая быстро собиралась, несмотря на ранний час. По мнению этого свидетеля, визгливый голос принадлежал итальянцу; во всяком случае не французу. Не может сказать с уверенностью, был ли это мужской голос. Возможно, что он принадлежал женщине. Свидетель не знает итальянского языка. Не мог разобрать отдельных слов, но убеждён по интонации, что кричавший был итальянец. Знал госпожу Л. и её дочь. Часто разговаривал с обеими. Уверен, что визгливый голос не принадлежал которой-нибудь из них.

Оденгеймер, содержатель ресторана. Этот свидетель явился к следователю по собственной инициативе. Не зная французского языка, давал показания при

---

¹ Проклятье (франц.).

² Чёрт (франц.).

помощи переводчика. Проходил мимо дома, когда раздались крики. Они продолжались несколько минут — минут десять, примерно. Крики были громкие, протяжные, выражали ужас и тоску. Вошёл в дом вместе с другими. Подтверждает прежние показания, за исключением одного пункта. Убеждён, что визгливый голос принадлежал мужчине, французу. Не мог разобрать отдельных слов. Они звучали громко, отрывисто, бессвязно, с выражением страха и гнева. Голос был резкий, не столько визгливый, сколько резкий. Нельзя назвать его визгливым голосом. Грубый голос произнёс несколько раз «sacré», «diable» и однажды «mon Dieu»¹.

Жюль Миньо, банкир фирмы «Миньо и сын» в улице Делорен. Это старший Миньо. У госпожи Л'Эспанэ было небольшое состояние. Имела текущий счёт в его конторе с весны *-го года (восемь лет тому назад). Часто вкладывала маленькими суммами. Не брала денег ни разу до последних дней: за три дня до смерти взяла четыре тысячи франков. Эта сумма была выплачена золотом и отнесена к госпоже Л. на дом приказчиком.

Адольф Лебон, приказчик «Миньо и сын», объясняет, что в вышеозначенный день он проводил госпожу Л'Эспанэ до дома и отнёс ей четыре тысячи франков в двух мешках. Дверь отворила мадмуазель Л. и взяла у него один из мешков, а её мать взяла другой. Затем он раскланялся

---

¹ Боже мой! (франц.)

и ушёл. Никого не заметил на улице в это время. Это переулок очень глухой.

Вильям Бирд, портной, объясняет, что он вошёл в дом вместе с другими. Он англичанин. Живёт в Париже два года. Один из первых взбежал по лестнице. Слышал голоса ссорящихся. Грубый голос, несомненно, принадлежал французу. Слышал различные слова, но не припомнит всех. Ясно слышал «sacré» и «mon Dieu». Одно время раздавались звуки как бы драки нескольких лиц – топот, борьба. Визгливый голос был очень громок, громче, чем грубый. Без сомнения, он не принадлежал англичанину. Кажется, это был голос немца. Может быть, он принадлежал женщине. Свидетель не понимает по-немецки.

Четверо из вышепоименованных свидетелей на вторичном допросе показали, что дверь комнаты, в которой находился труп мадмуазель Л., была заперта изнутри. Всё было тихо, когда свидетели добрались до этой комнаты, – ни стонов, ни шума не было слышно. Когда выломали дверь, никого не оказалось. Окна в передней и задней комнатах были заперты. Дверь между двумя комнатами была притворена, но не заперта на замок. Дверь из передней комнаты, выходящая в коридор, была заперта на замок, ключ находился на внутренней стороне. Комнатка в конце коридора в передней части дома была открыта, дверь стояла полуотворённой. Эта комната была загромождена старыми кроватями, ящиками и т. п.

Они были тщательно осмотрены и обысканы. Вообще дом был подвергнут самому тщательному обыску. Все трубы осмотрены трубочистами. Дом четырёхэтажный с чердаком. Подъёмная дверь на крышу заколочена гвоздями, по-видимому, не открывалась много лет. Свидетели различно определяют промежуток времени между тем моментом, когда были услышаны ссорящиеся голоса, и взломом двери. Одни говорят – три минуты, другие – пять. Дверь была отворена без особенных затруднений.

Альфонсо, гробовщик, живет на улице Морг. Уроженец Испании. Вошёл в дом вместе с другими. Не входил наверх. Нервный, побоялся волнения. Слышал голоса ссорящихся. Грубый голос принадлежал французу. Не разобрал отдельных слов. Визгливый голос – англичанина; уверен в этом. Не знает английского языка, но судит по интонации.

Альберто Монтани, кондитер, один из первых поднялся на лестницу. Слышал голоса. Грубый голос принадлежал французу. Разобрал несколько слов. Выражение их было жалобное. Не разобрал слов, произнесённых визгливым голосом. Он говорил быстро, скороговоркой. Думает, что этот голос принадлежал русскому. Подтверждает прежние показания. Родом итальянец. Никогда не слышал русского языка.

Различные свидетели при новом допросе показали, что трубы во всех комнатах четвёртого этажа были

слишком узки, чтобы пролезть человеку. Их исследовали цилиндрическими щётками, какие употребляются трубочистами. Ни одна труба не осталась неисследованной. В доме нет чёрного хода, через который убийца мог бы убежать, пока свидетели поднимались по лестнице. Тело мадемуазель Л'Эспанэ было так плотно задвинуто в трубу, что потребовались усилия четырёх или пяти человек, чтобы её вытащить.

Поль Дюма, врач, объясняет, что его пригласили освидетельствовать тела на рассвете. Оба они лежали на холсте, на кровати, в той комнате, где был найден труп мадемуазель Л. Тело её было исковеркано и покрыто ссадинами. Это объясняется тем, что его засунули в трубу. На горле, под подбородком, оказались глубокие царапины и синие полосы — очевидно, следы пальцев. Лицо страшно посинело, глаза выкатились, язык прокушен. Под ложечкой замечен огромный синяк, происшедший, очевидно, вследствие надавливания коленом. По мнению г. Дюма, мадемуазель Л'Эспанэ задушена неизвестным лицом или лицами. Тело матери страшно изуродовано. Все кости на правой ноге и руке более или менее изломаны. Левая *tibia*¹ переломлена, также все рёбра на левой стороне. Всё тело усеяно синяками. Трудно решить, как произошли все эти повреждения. Тяжёлый деревянный брус или полоса железа, стул — вообще всякое

---

¹ Берцовая кость (*лат.*).

тяжёлое, тупое, грузное орудие в руках очень сильного человека могло привести к таким результатам. Женщина не могла бы нанести таких ударов. Голова покойной была совершенно отделена от тела и жестоко изуродована. Горло перерезано каким-нибудь острым инструментом — вероятно, бритвой.

Александр Этьен, хирург, был приглашён освидетельствовать тела одновременно с г. Дюма. Подтверждает показание последнего.

Больше ничего сколько-нибудь важного не удалось выяснить, хотя были допрошены ещё различные лица. Такого таинственного и загадочного убийства ещё не случалось в Париже. Полиция совершенно сбита с толку. Нет и тени намёка на разгадку этой тайны».

В вечернем издании газеты сообщалось, что в квартале Сен-Рош до сих пор царит величайшее возбуждение, что дом подвергнут вторичному обыску и свидетели передпрошены — с тем же результатом, что и раньше. В примечании сообщалось, однако, что Адольф Лебон арестован, хотя никаких данных к его обвинению, кроме вышеизложенных, нет.

По-видимому, Дюпен крайне заинтересовался этим делом; так, по крайней мере, я заключил по его поступкам, хотя он ничего не говорил. Только после известия об аресте Лебона он спросил меня, что я думаю об этом убийстве.

Я мог только присоединиться к мнению всего Парижа, что это неразрешимая тайна. Я, по крайней мере, не видел пути к открытию убийцы.

— Нельзя судить об этом, — возразил Дюпен, — по такому поверхностному расследованию. Французская полиция, прославленная своей проникательностью, хитра и только. В её действиях нет метода, кроме методов, принятых в данную минуту. Она пускает в ход все свои меры, но они сплошь и рядом так мало соответствуют цели, что напоминают г. Журдена, который требовал свой *robe de chambre* — *pour mieux entendre la musique*¹. Иногда она достигает удивительных размеров, но только усердием и деятельностью. Где этих качеств недостаточно, там все её планы лопаются. Видок, например, был хороший сыщик и настойчивый человек. Но вследствие недостатка дисциплины мысли, достигаемой образованием, он то и дело заблуждался тем сильнее, чем ретивее брался за исследование. Он плохо видел оттого, что рассматривал предмет слишком близко. Он видел два-три пункта с поразительной ясностью, но именно потому неизбежно упускал из вида целое. Вот что значит быть слишком глубокомысленным. Истина не всегда в колодце. Я думаю даже, что в более важных вещах она всегда на поверхности.

---

¹ «Халат, чтобы лучше слышать музыку» (франц.) — из комедии Мольера «Мещанин во дворянстве».

Истина не в долинах, где мы её ищем, а на вершинах гор, где её нужно искать. Источники этого рода ошибок обнаруживаются очень типично, при созерцании небесных тел. Если смотреть на звезду искоса — боком, обращая к ней внешнюю часть сетчатки (более чувствительную к слабым световым впечатлениям, чем внутренняя), — будешь отчетливо видеть её, получишь ясное представление о её блеске, который тускнеет по мере того, как мы обращаем взор прямо на звезду. В последнем случае большее количество лучей падает на поверхность глаза, но в первом восприятие более отчетливо. Сама Венера угаснет на небосклоне, если мы будем смотреть на неё слишком упорно, слишком пристально, слишком прямо. Что касается этого убийства, исследуем его, прежде чем составлять о нём мнение. Это исследование доставит нам развлечение (признаюсь, я подумал, что это термин не совсем подходящий в данном случае, однако ничего не сказал), — кроме того, Лебон оказал мне однажды услугу, за которую я бы не прочь отблагодарить его. Мы сами осмотрим дом. Я знаком с Г., префектом полиции, и он наверное не откажет мне в письменном разрешении.

Разрешение было получено, и мы отправились на улицу Морг. Это один из самых жалких переулков между улицами Ришелье и Сен-Рош. Мы добрались до него только к вечеру, так как этот квартал находится очень далеко от того, где мы жили. Дом отыскали без труда, благодаря

зевакам, которые, собравшись на противоположной стороне улицы, бесцельно глазели на окна. Это был обыкновенный парижский дом, с подъездом, сбоку которого помещалась сторожка с окошечком и надписью *loge du concierge*¹. Прежде чем войти в дом, мы прошли по улице, свернули в переулок и зашли в тыл здания. Дюпен осмотрел соседние дома так же внимательно, как этот, с непонятым для меня любопытством.

Затем мы вернулись к подъезду, позвонили и, показав полицейскому разрешение, были немедленно впущены. Мы поднялись по лестнице в комнату, где было найдено тело мадмуазель Л'Эспанэ и где до сих пор лежали оба трупа. Комната оставалась в прежнем беспорядке. Я не заметил в ней ничего нового, о чём бы не было сообщено в Газетт де Трибюн. Дюпен тщательно осмотрел всё, не исключая трупов. Затем мы прошли по другим комнатам и осмотрели двор в сопровождении жандарма. Этот осмотр продолжался до наступления темноты; затем мы отправились домой.

По дороге мой спутник зашёл на минутку в редакцию одной ежедневной газеты.

Я уже говорил, что у моего друга бывали самые разнообразные причуды и что *je les ménageais*², —

---

¹ Привратничья (франц.).

² Я им потакал (франц.).

по-английски этой фразы не передашь. Теперь ему почему-то вздумалось отклонять всякий разговор об убийстве. Только на следующий день около полудня он неожиданно спросил меня, не заметил ли я чего-нибудь особенного в жестокости этого убийства.

Он с таким выражением произнес слово «особенного», что я вздрогнул, сам не знаю почему.

— Нет, ничего особенного, ничего кроме того, что мы прочли в газете.

— «Газетт», — возразил он, — кажется, недостаточно понимает исключительно ужасный характер этого преступления. Но оставим в стороне её банальное мнение. Я думаю, что тайна считается неразрешимой вследствие именно той черты, которая должна облегчить её разрешение, разумею утрированный характер преступления. Полиция сбита с толку кажущимся отсутствием мотивов — не самого убийства, а жестокости убийцы. Их смущает также кажущаяся невозможность примирить два факта: свидетели слышали голоса ссорящихся, а между тем никого не нашли в комнате, кроме убитой мадмуазель Л'Эспанэ, хотя преступники не могли ускользнуть незамеченными. Дикий беспорядок в комнате, тело, засунутое вниз головой в трубу; страшно обезображенный труп старухи; всё это, как и другие обстоятельства, которых не стоит перечислять, сбило с толку власти и поставило в тупик хвалёную пронизательность правительственных агентов. Они впали в грубую,

но обычную ошибку, смешав необычайное с непонятным. Но именно отклонение от обычного характера подобных происшествий должно служить рассудку руководящей нитью для поисков. В исследованиях подобного рода нужно спрашивать не «что такое случилось?», а «что такое случилось, чего никогда не случалось раньше?». Лёгкость, с которою я добыю или добился разъяснения этой тайны, обратно пропорциональна её кажущейся неразрешимости в глазах полиции.

Я уставился на своего собеседника в немом изумлении.

— Я поджидаю теперь, — сказал он, взглянув на дверь нашей комнаты, — я поджидаю человека, который хоть и не сам учинил эту бойню, но причастен к ней до некоторой степени. По всей вероятности, он неповинен в худшей части этих преступлений. Я надеюсь, что моё предположение справедливо, так как на нём строю надежду на разъяснение всей этой загадки. Он должен прийти сюда, в эту комнату. Может и не явиться, конечно, но, по всей вероятности, явится. Если он придёт, необходимо будет задержать его. Вот пистолеты, а как ими распорядиться в случае надобности, мы оба знаем.

Я взял пистолеты, вряд ли сознавая, что делаю, и едва веря своим ушам, между тем как Дюпен продолжал, точно рассуждая сам с собою. Я уже упоминал о его рассеянном виде в такие минуты. Он обращался ко мне, но его голос, хотя не особенно громкий, звучал

так, как будто бы он переговаривался с кем-нибудь издали. Глаза его были устремлены на стену.

— Что голоса ссорящихся, — продолжал он, — не принадлежали самим женщинам, доказывается свидетельскими показаниями. Это уничтожает возможность предположения, будто старуха сначала умертвила дочь, а потом и самоё себя. Я, впрочем, упоминаю об этом предположении только для порядка, потому что у госпожи Л'Эспанэ не хватило бы силы засунуть тело дочери в трубу, а характер увечий на её собственном теле исключает возможность самоубийства. Стало быть, убийство совершено посторонними лицами, и голоса этих-то лиц были услышаны свидетелями. Теперь рассмотрим показания об этих голосах — не будем разбирать их в целом, а отметим только их особенности. Заметили вы в них что-нибудь особенное?

Я отвечал, что тогда как все свидетели приписывали грубый голос французу, — мнения крайне расходились относительно визгливого голоса, или резкого, как характеризовал его один из свидетелей,

— Это само показание, — возразил Дюпен, — а не особенность показания. Вы, стало быть, ничего не заметили толком. А между тем тут есть обстоятельство, достойное замечания. Свидетели, как вы заметили, согласны насчёт грубого голоса. Но особенность показаний относительно визгливого голоса не в разногласии, а в том, что, когда его описывали итальянец, англичанин,

испанец, голландец и француз, — каждый из них отзывался о нём как о голосе иностранца. Каждый уверен, что этот голос не принадлежал его соотечественнику. В этом все сходятся — то есть в том, что обладатель визгливого голоса не принадлежит нации свидетеля. Француз предполагает, что это голос испанца и «что он разобрал бы отдельные слова, если бы знал испанский язык». Голландец утверждает, что голос принадлежал французам, но из отчёта видно, что свидетель, «не зная французского языка, объяснялся при помощи переводчика».

Англичанин думает, что это был голос немца, но он «не понимает немецкого языка». Испанец уверен, что голос принадлежал англичанину, но «судит только по интонации», так как «не знает английского языка». Итальянцу кажется, что это был голос русского, но он «никогда не слышал русского языка». Другой француз расходится с первым и положительно утверждает, что голос принадлежал итальянцу; но, «не зная совершенно этого языка», он, подобно испанцу, «судит по интонации». Станный, в самом деле, голос, если о нём возможно такое показание; голос, в интонации которого представители пяти великих наций Европы не могли узнать ничего родственного! Вы скажете, что он мог принадлежать азиату, африканцу. Уроженцев Азии и Африки немного наберётся в Европе; но, не отрицая возможности такого предположения, я укажу только на

три следующие пункта. Один из свидетелей называет голос «скорее резким, чем визгливым». Другие говорят, что он был «отрывистый и неровный». Ни один из них не мог различить слова, — звуки, похожие на слова.

Не знаю, — продолжал Дюпен, — какое впечатление мои слова производят на ваш ум, но, по моему мнению, законный вывод из этой части показания относительно грубого и визгливого голосов сам по себе способен породить подозрение, которое послужит путеводной нитью для всех дальнейших разысканий. Я говорю «законный вывод», но это выражение не вполне передаёт мою мысль. Я, собственно, думаю, что вывод может быть лишь один и что подозрение, о котором я говорю, вытекает из него неизбежно, как его единственный результат. Что это за подозрение — я пока не скажу. Замечу только, что в моих глазах оно оказалось достаточно сильным, чтобы дать определённое направление — известную тенденцию — моим поискам в комнате.

Перенесёмся мысленно в эту комнату. Что мы прежде всего станем искать в ней? Выход, посредством которого скрылись убийцы. Излишне говорить, что мы не верим в сверхъестественные явления. Госпожа Л'Эспанэ и её дочь не были умерщвлены духами. Виновники преступления — материальные существа и спаслись материальным путём. Но как именно? К счастью, есть только один способ обсуждения

этого пункта, и этот способ должен привести нас к определённом заключению. Рассмотрим один за другим все пути к бегству. Ясно, что убийцы находились в комнате, где найдено тело мадмуазель Л'Эспанэ, или в соседней комнате, в то время, как свидетели поднимались по лестнице. Значит, нужно искать выходы из этих двух комнат. Полиция освидетельствовала полы, потолки, стены самым тщательным образом. Потайной выход не мог бы ускользнуть от её внимания. Но, не доверяя её глазам, я произвел осмотр моими собственными. Действительно, потайных выходов не было. Обе двери из комнат в коридор были заперты, и ключи находились в замках. Обратимся к трубам. На расстоянии восьми или десяти футов над печами ширина их обыкновенная, но на всём протяжении трубы не пролезет и крупная кошка. Итак, уйти через трубу абсолютно невозможно; остаются окна. Через те, что выходят на улицу, нельзя было спуститься незамеченным, так как на улице собралась толпа. Следовательно, убийцы должны были уйти в окна задней комнаты. Придя неизбежно к такому заключению, мы не должны отвергать его ввиду кажущейся невозможности. Нам остается только доказать, что эта невозможность действительно кажущаяся.

В комнате два окна. Одно из них не заставлено мебелью и видно целиком. Нижняя часть другого закрыта изголовьем тяжёлой кровати, придвинутой к нему

вплотную. Первое оказалось запертым изнутри. Никакими усилиями не удалось его поднять. В раме с левой стороны была проверчена дыра, и в неё заколочен гвоздь по самую шляпку. В другом окне оказался такой же гвоздь, и его также не удалось отворить. Полиция решила, что этим путём убежать было невозможно. И потому нашла излишним вытащить гвозди и отворить окна.

Я не так поступил, именно на том основании, которое сейчас указал, — то есть потому, что невозможность должна была быть только кажущейся.

Я рассуждал *a posteriori*¹. Убийцы бежали через одно из этих окон. Сделав это, они не могли запереть окна изнутри — соображение, которое своей очевидностью заставило полицию отказаться от дальнейших поисков в этом направлении. Но окна были заперты. Стало быть, они должны были затвориться сами. Это заключение являлось неизбежным. Я подошёл к свободному окну, вытащил — не без труда — гвоздь и попытался поднять раму. Как я и ожидал, она не поддавалась моим усилиям. Очевидно, была где-нибудь скрытая пружина. Это подтверждение моего заключения доказало мне, что я стою на правильном пути, как бы ни были таинственны обстоятельства, касающиеся гвоздей. Тщательно осмотрев раму, я нашёл скрытую пружину. Я надавил её и, довольный своим открытием, не стал поднимать раму.

---

¹ На основании опыта (*франц.*).

Теперь я поместил гвоздь на прежнее место и внимательно осмотрел его. Лицо, бежавшее через окно, могло захлопнуть раму, и пружина замкнула бы его сама собой; но оно не могло всадить обратно гвоздь. Это заключение было очевидно и ещё более сужало поле моих исследований. Убийцы должны были бежать в другое окно. Предполагая, что пружины в обеих рамах одинаковы, — должна была оказаться разница между гвоздями, по крайней мере, разница в способе их прикрепления. Подойдя к кровати, я осмотрел через её спинку второе окно. Протянув руку из-за спинки, я вскоре нашёл пружину, которая, как я предполагал, оказалась такой же, как в соседнем окне. Затем я осмотрел гвоздь. Он был такой же крупный и так же заколочен по самую шляпку.

Вы подумаете, это сбило меня с толку. Но так думать можно, только не понимая природу индукции. Употребляя охотничье выражение, я ещё ни разу не «потерял след». Чутьё ни разу не изменило мне. Все звенья цепи были налицо. Я проследил тайну до её последнего этапа, и этим этапом был гвоздь. Как я уже сказал, он во всех отношениях походил на своего соседа в другом окне; но этот факт абсолютно ничего не значил (при всей своей кажущейся значительности) в сравнении с тем соображением, что здесь, на этом пункте заканчивалась разгадка тайны. «Должно быть что-нибудь не так в этом гвозде», — подумал я. Я взялся за него,

и шляпка с куском самого гвоздя осталась в моих руках. Остаток гвоздя сидел в дыре. Он переломился уже давно (потому что излом успел заржаветь), по всей вероятности, от сильного удара молотком, который отчасти вогнал шляпку в дерево рамы. Я поместил обломок на прежнее место, — гвоздь снова выглядел целым, перелома не было заметно. Надавив пружину, я приподнял раму на несколько дюймов, шляпка гвоздя поднялась вместе с ней, оставаясь на своём месте. Я закрыл окно, и снова гвоздь выглядел целым.

Теперь загадка была решена. Убийца бежал в окно, заставленное кроватью. Рама захлопнулась за ним (или он её нарочно захлопнул) и замкнулась на пружину; сопротивление этой пружины полиция приняла за сопротивление гвоздя — и сочла излишним дальнейшее расследование.

Затем являлся вопрос, каким образом убийца спустился из окна. Этот пункт я выяснил себе, когда обошёл вместе с вами дом. На расстоянии пяти с половиной футов от окна находится громоотвод. От этого громоотвода невозможно достать до окна, не говоря уже — войти в комнату. Но я заметил, что ставни четвёртого этажа были особого типа, называемого парижскими плотниками *ferrades* — в настоящее время такие ставни редко делаются, но они очень обыкновенны в старинных домах в Лионе и Бордо. Они имеют форму двери (простой, не с двумя половинками), но нижняя часть устроена

в виде решётки, так что за неё легко схватиться рукой. В данном случае ширина ставни три с половиной фута. Когда мы смотрели на них со двора, они были полуоткрыты, то есть находились под прямым углом к стене. По всей вероятности, полиция так же, как и я, осмотрела задний фасад дома; но, глядя на ставни в профиль, не обратила внимания на их значительную ширину или, во всяком случае, не придавала ей значения. Решив, что убежать в окно не было возможности, она, естественно, ограничилась только беглым осмотром. Как бы то ни было, я убедился, что если отворить ставню совершенно, прижать её к стене, то между ней и громоотводом будет только два фута. Очевидно, что при необыкновенной ловкости и смелости можно было пробраться этим путём в комнату. На расстоянии двух с половиной футов (предполагая, что ставня была открыта совершенно) разбойник мог крепко ухватиться за решётку. Затем, повиснув на ней, упереться ногой в стену и, сильно оттолкнувшись, запереть ставню и даже, если окошко было открыто, вскочить в комнату.

Заметьте, что для такого опасного и трудного путешествия я считаю необходимой крайне редкую степень ловкости. Я имею в виду доказать вам, во-первых, что его можно было совершить; а во-вторых, и главным образом, подчеркнуть необычайный, почти сверхъестественный характер деятельности того, кто его совершил.

Вы скажете, без сомнения, выражаясь языком закона, что «в интересах моего дела» я должен был бы скорее умалить, чем подчёркивать особенности этой деятельности. Так, может быть, выходит с точки зрения закона, но не с точки зрения разума. Моя конечная цель только истина. Моё ближайшее намерение — побудить вас сопоставить этот необычайный характер деятельности с особенным, визгливым и неровным голосом, настолько особенным, что не нашлось двух свидетелей, которые согласились бы насчёт национальности его обладателя, — причём никто не мог разобрать членораздельных звуков.

При этих словах смутная догадка о значении его слов мелькнула в моём уме. Казалось, я вот-вот пойму, в чём дело, — как бывает иногда с воспоминанием; кажется, вот сейчас вспомнишь, — и никак не можешь вспомнить до конца.

— Вы видите, — продолжал мой друг, — что я свернул от вопроса о бегстве к вопросу о появлении вора. Я думаю, что он явился и ушёл одним и тем же путём. Теперь вернёмся в комнату. Посмотрим, в каком виде она оказалась. Ящики комода, — сказано в протоколе, — были обысканы, хотя многие из вещей остались на местах. Вывод получается нелепый. Это простая догадка, — очень глупая, — не более. Почём мы знаем, было ли в этих ящиках что-нибудь, кроме того, что в них оказалось. Госпожа Л'Эспанэ и её дочь жили

в одиночестве — ни с кем не знались, — редко выходили из дома, — вряд ли у них было много платьев. Во всяком случае, их оказалось достаточно и хорошего качества. Если вор взял какие-нибудь из них, — то почему не взял лучшие, — почему не взял все? Да и мог ли он бросить четыре тысячи франков золотом, чтобы обременить себя бельём? Золото было оставлено. Почти вся сумма, указанная банкиром Миньо, оказалась в мешках и на полу. Я хочу, чтоб вы выбросили из головы ошибочную мысль о мотиве преступления — зародившуюся в полицейских мозгах благодаря той части показания, которая говорит о деньгах, оставленных на полу. Совпадения вдесятеро более замечательные, чем это (выдача денег и убийство в течение трёх дней после выдачи), случаются в жизни ежечасно, не возбуждая ни малейшего внимания. Вообще совпадения — великий камень преткновения на пути тех мыслителей, которые недостаточно знакомы с теорией вероятностей — теорией, которой самые славные отрасли человеческого исследования обязаны самыми блестящими открытиями. В настоящем случае, факт выдачи денег за три дня до преступления имел бы значение больше чем простого совпадения, если бы деньги были унесены. Он подкрепил бы идею о мотиве. Но при данных обстоятельствах, считая деньги мотивом преступления, мы должны предположить, что оно совершено идиотом, забывшим о деньгах и о своём мотиве.

Запомнив хорошенько три пункта, на которые я обратил ваше внимание, — особенный голос, необычайную ловкость убийцы и поразительное отсутствие мотива в таком зверском преступлении, — исследуем самое убийство. Вот женщина, задушенная руками и засунутая вниз головой в трубу. Обыкновенные убийцы так не убивают. Меньше всего они заботятся о трупе. Согласитесь, что это засовывание трупа в печку нечто до последней степени *outré*¹, — нечто совершенно непримиримое с нашими представлениями о человеческой природе, хотя бы мы предположили виновниками преступления самых испорченных людей. Далее, подумайте, какая страшная сила потребовалась для того, чтобы засунуть тело вверх по трубе, когда соединённые усилия нескольких человек едва могли стащить его вниз!

Обратимся теперь к другим указаниям, свидетельствующим о почти баснословной силе. В печке были густые — очень густые пряди седых человеческих волос. Они были вырваны с корнями. Вы знаете, какое усилие нужно употребить, чтобы вырвать таким образом двадцать или тридцать волосков разом. Вы видели клочья, о которых я говорю. На их корнях (отвратительное зрелище) остались частицы кожи, — ясное доказательство чудовищной силы, выдернувшей

---

¹ Экстраординарное (*франц.*).

с корнем, быть может, полмиллиона волос разом. У старухи не только перерезано горло, но голова почти отделена от туловища, — посредством простой бритвы. Обратите также внимание на зверскую жестокость этих преступлений. Об увечьях на теле госпожи Л'Эспанэ я не говорю. Месье Дюма и его достойный сотрудник месье Этьенн решили, что они нанесены каким-нибудь тупым орудием; без сомнения, они правы. Этим тупым орудием, очевидно, были камни мостовой, на которую выброшен труп из окна над кроватью. Соображение это ускользнуло от полицейских по той же причине, в силу которой ширина ставня осталась незамеченной, — именно потому, что благодаря гвоздям в рамках они решительно не могли представить себе, чтобы окна отворялись. Если теперь, в дополнение ко всем этим фактам, вы примете в соображение дикий беспорядок комнаты, то мы должны будем сопоставить идеи: ловкости поразительной, силы нечеловеческой, жестокости зверской, бойни без мотива — ужасной, абсолютно несвойственной человеческой природе, и голос, звуки которого оказались чуждыми для представителей многих наций, — голос, в котором нельзя было разобрать ни единого слова. Что же отсюда следует? Какое впечатление произвёл я на ваш ум?

У меня мурашки забегали по телу, когда Дюпен обратился ко мне с этим вопросом.

— Это сделал сумасшедший, — отвечал я, — какой-нибудь бешеный маньяк, убежавший из соседнего сумасшедшего дома.

— В некоторых отношениях, — возразил он, — ваша идея не лишена основания, но голос сумасшедшего, даже в самом бешеном пароксизме, не соответствует тому особенному голосу, который слышали свидетели. Сумасшедшие принадлежат к той или иной нации, и их язык, как бы ни были бессвязны слова, всегда членоразделен. Кроме того, у сумасшедшего не может быть таких волос, как те, что я держу в своей руке. Я нашёл этот клочок в окоченевших пальцах госпожи Л'Эспанэ. Что вы о них скажете?

— Дюпен, — отвечал я, совершенно ошеломлённый, — это необычайные волосы, не человеческие волосы.

— Я и не говорил, что они человеческие, — возразил он, — но прежде чем решим этот пункт, взгляните на рисунок, который я набросал на листке бумаги. Это точное воспроизведение того, что описано в протоколе обыска как «чёрные полосы и глубокие следы ногтей» на глотке госпожи Л'Эспанэ, а в показании Дюма и Этьенна — как «ряд синих пятен, очевидно, следы человеческих пальцев».

Вы замечаете, — продолжал мой друг, положив передо мною листок, — что, судя по этому рисунку, рука схватила горло плотно и твёрдо. Незаметно, чтобы

пальцы скользили. Каждый оставался, вероятно, до самой смерти жертвы в одном и том же положении. Теперь попробуйте наложить ваши пальцы на нарисованные.

Я попытался, но безуспешно.

— Может быть, мы не так взялись за дело, — сказал он. — Бумага разложена на плоской поверхности, а человеческое горло имеет цилиндрическую форму. Вот чурбан приблизительно такой же ширины, как горло. Оберните его листком, и повторим опыт.

Я сделал это; затруднение оказалось ещё очевиднее.

— Это не отпечаток человеческой руки, — заметил я.

— Прочтите же, — сказал Дюпен, — вот это место у Кювье.

Это было подробное анатомическое и общее описание большого бурого орангутанга с Ост-Индских островов. Громадный рост, чудовищная сила и ловкость, дикая жестокость и способности к подражанию этих млекопитающих хорошо известны всем.

— Описание пальцев, — сказал я, прочитав до конца, — вполне соответствует рисунку. Для меня очевидно, что ни одно животное, кроме орангутанга описанного здесь вида, не могло произвести таких отпечатков. Этот клок бурой шерсти тоже вполне сходится с описанием Кювье. Но я всё-таки не могу объяснить себе некоторых обстоятельств этой страшной тайны. Кроме того,

свидетели слышали два ссорившихся голоса и один из них, несомненно, принадлежал французу.

— Верно; и помните слова, произнесённые этим голосом, по показанию всех почти свидетелей, слова «mon Dieu!». Между прочим, один из свидетелей (кондитер Монтани) утверждает, что эти слова были произнесены тоном упрёка или жалобы. На этих-то двух словах и основывается главная моя надежда на разгадку тайны. Француз был свидетелем этого убийства. Возможно, даже более чем вероятно, что он не принимал никакого участия в этих кровавых поступках. Орангутанг мог убежать от него. Он мог гнаться за ним до самой комнаты; но при последовавших затем ужасных происшествиях не мог усмирить его. Я не буду продолжать эти догадки, потому что они основываются на размышлениях, слишком глубоких даже для моего рассудка, и потому что я не могу сделать их убедительными для других. Назовём их пока догадками. Если француз, о котором я говорю, действительно неповинен в этом зверском убийстве, то объявление, отданное мною вчера вечером для напечатания в газете «Ле Монд» (очень популярной среди моряков), заставит его прийти к нам.

Он протянул мне газету, и я прочёл следующее:

«Пойман в Булонском парке рано утром (указан день убийства) огромный бурый орангутанг, вида, водящегося на Борнео. Собственник (по справкам, француз

с мальтийского корабля) может получить его обратно, доказав своё право собственности и уплатив небольшую сумму за поимку и содержание. Обратиться в №**, улица **, в Сен-Жерменском предместье, третий этаж».

— Как вы могли узнать, — спросил я, — что это моряк и притом с мальтийского корабля?

— Я не знаю этого, — отвечал Дюпен. — Я не уверен в этом. Но вот обрывок ленты, которая, судя по её форме и засаленному виду, служила для завязывания волос в виде длинного *quenepes*¹, который в такой моде у матросов. Кроме того, этот узел вряд ли мог быть связан кем-нибудь, кроме матроса и притом мальтийца. Я нашёл эту ленту у подножия громоотвода. Она не могла принадлежать покойницам. Но если я даже ошибся, заключив по ленте, что француз этот — моряк с мальтийского корабля, то всё-таки я мог безопасно упомянуть об этом в объявлении. Если это ошибка, то он подумает, что я получил неверную справку, и только. Если же я прав, то получаю большое преимущество. Зная о преступлении, француз, хотя бы и невинный, естественно, будет колебаться, ответить ли ему на объявление, то есть явиться ли за орангутангом. Он будет рассуждать так: «Я невинен, я беден, мой орангутанг стоит дорого — при моих обстоятельствах это целое состояние, —

---

¹ Косицы, хвосты (франц.).

неужели я упущу его из-за пустых опасений? Я могу по-лучить его. Он пойман в Булонском парке — вдали от места преступления. Кто же догадается, что это убий-ство совершил зверь? Полиция на ложном пути — у неё нет никакого ключа к разъяснению тайны. Если даже поймают зверя, кто докажет, что я знал о преступлении, и с какой стати меня обвинят, хотя бы я действительно знал о нём? А главное, моя личность уже известна. В объявлении сказано, что я хозяин зверя. Не знаю, что именно обо мне известно. Если я не явлюсь за та-ким дорогим имуществом, то могу сам возбудить подо-зрение. Это вовсе не расчёт. Мне не следует привлекать внимание ко мне самому или к зверю. Я отвечу на объ-явление, получу орангутанга и припрячу его, пока не забудут об этом происшествии».

В эту минуту послышались шаги на лестнице.

— Будьте наготове, — сказал Дюпен, — но не пускай-те в ход и не показывайте пистолеты, пока я не дам знак.

Наружная дверь дома была открыта, так что посе-титель вошёл не звоня и поднялся по лестнице на не-сколько ступеней. Тут он, по-видимому, остановился в нерешительности. Потом стал спускаться обратно. Дюпен кинулся было к двери, но мы услышали, что по-сетитель снова пошёл вверх. На этот раз он шёл смело, не останавливаясь, и вскоре постучал в дверь.

— Войдите, — сказал Дюпен весёлым и приветли-вым голосом.

Незнакомец вошёл. Это был, очевидно, моряк, высокий, плотный, хорошо сложенный, но с вызывающей осанкой — не особенно симпатичный. Лицо его, очень загорелое, было до половины закрыто бакенбардами и *mustachio*¹. Он держал в руке тяжёлую палку, но другого оружия с ним, кажется, не было.

Он неловко поклонился и сказал «здравствуйте» с невшатальским акцентом — не настолько сильным, однако, чтобы не догадаться, что он парижанин по рождению.

— Присядьте, друг мой, — сказал Дюпен. — Вы, вероятно, явились за орангутангом. Право, я почти завидую вам; превосходный, без сомнения, очень дорогой экземпляр. Сколько ему лет, как вы думаете?

Моряк перевёл дух, как человек, избавившийся от невыносимой тяжести, и отвечал уверенным тоном:

— Право, не знаю — года четыре-пять не больше. Он у вас здесь?

— О нет, тут негде его поместить. Он на извозничьем дворе на улице Дюбург, два шага отсюда. Вы можете получить его завтра утром. Вы, конечно, приготовили удостоверение?

— Разумеется, сударь.

— Жалко мне будет расстаться с ним, — заметил Дюпен.

---

¹ Усы (итал.).

— Я и не рассчитывал, что вы даром хлопотали для меня, сэр, — отвечал матрос. — Я охотно заплачу за поимку животного — конечно, умеренное вознаграждение.

— Хорошо, — отвечал мой друг, — очень хорошо. Дайте подумать, что с вас взять... Да, так, сейчас скажу вам. Вот моя награда. Вы сообщите мне всё, что вам известно об убийстве на улице Морг.

Дюпен произнёс эти слова очень тихо и спокойно. Так же спокойно подошёл к двери, запер её на ключ, а ключ положил в карман. Затем он достал из-за пазухи пистолет и не спеша положил его на стол.

Лицо матроса налилось кровью, казалось, он сейчас задохнётся. Он вскочил, схватился за палку, но в ту же минуту опустился на стул, весь дрожа и бледный как смерть. Он не говорил ни слова. Я от всей души пожалел его.

— Друг мой, — сказал Дюпен ласковым тоном, — вы напрасно волнуетесь — совершенно напрасно. Мы не злоумышляем против вас. Даю вам честное слово джентльмена и француза, что мы не сделаем вам ничего худого. Я отлично знаю, что вы неповинны в зверском преступлении на улице Морг. Тем не менее нельзя отрицать, что вы до некоторой степени замешаны в нём. Из всего мною сказанного вы можете видеть, что я имел возможность разузнать обстоятельства дела — из таких источников, о которых вам и не думалось.

Теперь дело обстоит так. Вы не сделали ничего такого, за что вам пришлось бы отвечать. Вы даже не виновны в воровстве, хотя могли бы украсть безнаказанно. Вам нечего скрывать. С другой стороны, честность обязывает вас разъяснить дело. Невинный человек арестован и обвинён в преступлении, виновник которого вам известен.

Матрос оправился, пока Дюпен говорил эти слова; но его вызывающий вид совершенно исчез.

— Да поможет мне Бог, — сказал он после непродолжительной паузы, — я расскажу вам всё, что мне известно об этом деле, но я не жду, чтоб вы поверили мне хоть вполчину, — было бы нелепо с моей стороны этого ожидать. А между тем я действительно невинен.

Вот суть его рассказа. Он совершил недавно путешествие на Индийский архипелаг. На острове Борнео ему и его товарищу удалось поймать орангутанга. Товарищ умер, и животное перешло в его полную собственность. С большими затруднениями — из-за неукротимой свирепости пленника — его удалось перевезти домой. Матрос поместил его в своей квартире и, чтобы избавиться от надоедливого любопытства соседей, держал зверя в чулане, в ожидании, пока заживёт его пораненная обломком дерева нога. Затем он намеревался продать зверя.

Вернувшись домой с какой-то пирушки ночью, или скорее утром в день убийства, матрос застал зверя в своей спальне, куда он успел-таки выбраться из чулана.

С бритвой в руках, весь в мыле, он сидел перед зеркалом и брился, подражая своему хозяину, за которым, без сомнения, наблюдал во время этой операции сквозь щёлку. Ужаснувшись при виде такого опасного оружия в руках свирепого зверя, матрос в первую минуту не знал, что делать. Впрочем, он привык умирять орангутанга с помощью плети, за которую взялся и теперь. При виде плети орангутанг кинулся вон из комнаты, сбежал по лестнице и выскочил в окно, которое, к несчастью, оказалось открытым на улицу.

Француз погнался за ним в отчаянии; обезьяна бежала, размахивая бритвой, по временам останавливаясь и делая гримасы своему хозяину. Но, подпустив его почти вплотную, снова обращалась в бегство. Это преследование продолжалось довольно долго. Улицы были совершенно пусты вследствие раннего времени. Пробегая по переулку в конце улицы Морг, обезьяна заметила свет в открытом окне комнаты госпожи Л'Эспанэ. Взбравшись с невероятною быстротой и ловкостью по громоотводу, она уцепилась за ставню, которая была открыта настежь, и вскочила прямо на спинку кровати. Всё это потребовало не более минуты. Когда орангутанг вскочил в комнату, ставня снова распахнулась.

Матрос обрадовался и испугался. Теперь он надеялся поймать животное, так как вряд ли оно могло ускользнуть из ловушки, в которую само забралось. С другой стороны, он боялся, как бы оно не наделало

беды в доме. Это последнее соображение заставило его продолжать преследование. Взобраться по громоотводу нетрудно, тем более для матроса, но когда он поднялся на высоту окна, находившегося от него по левую руку на довольно большом расстоянии, пришлось остановиться. Он мог только заглянуть внутрь комнаты и, сделав это, чуть не свалился с громоотвода от ужаса. Тут-то и раздались отчаянные крики, разбудившие обитателей улицы Морг. Госпожа Л'Эспанэ и её дочь, в ночных кофточках, по-видимому, занимались разборкой документов в железном сундуке, о котором уже упоминалось выше. Он был открыт, и его содержимое выложено на пол. Жертвы сидели спиной к окну и, должно быть, не заметили зверя, вскочившего в комнату. Звук захлопнувшейся ставни мог быть приписан ветру.

Когда матрос заглянул в комнату, гигантское животное, схватив госпожу Л'Эспанэ за волосы, распущенные на ночь, водило по её лицу бритвой, подражая движениям цирюльника. Дочь лежала на полу в обмороке. Отчаянные крики и борьба старухи (при этом у неё и были вырваны волосы) превратили в бешенство первоначально мирные намерения орангутанга. Одним взмахом своей мускулистой руки он почти начисто отделил её голову от тела. Вид крови привёл его в исступление. Щёлкая зубами и сверкая глазами, он ринулся на тело девушки и, охватив её горло своими страшными руками, задушил несчастную. В эту минуту его блуждающие

БЕШЕНСТВО ЖИВОТНОГО,
БЕЗ СОМНЕНИЯ,
ХОРОШО ПОМНИВШЕГО
ПЛЕТЬ, МГНОВЕННО
ПРЕВРАТИЛОСЬ
В СТРАХ.

взоры упали на спинку кровати, из-за которой виднелась окаменевшая от ужаса голова матроса. Бешенство животного, без сомнения, хорошо помнившего плеть, мгновенно превратилось в страх. Зная, что ему предстоит наказание, он, по-видимому, хотел скрыть следы своего преступления и заметался по комнате в припадке нервного волнения, опрокидывая и швыряя всё, что попадалось под руку. В заключение, схватив тело дочери, он засунул его в трубу, а труп госпожи Л'Эспанэ выбросил в окно.

Когда обезьяна приблизилась к окну с изуродованным телом своей жертвы, матрос в ужасе отшатнулся и, скорее соскользнув, чем спустившись с громоотвода, — опрометью кинулся домой, в паническом страхе за последствия преступления, бросив орангутанга на произвол судьбы. Звуки голосов, услышанные свидетелями на лестнице, были восклицаниями француза и рычанием зверя.

Больше, кажется, нечего прибавить. Орангутанг, без сомнения, бежал из комнаты по громоотводу, пока ломали дверь. При этом он захлопнул за собой ставню. Позднее он был пойман самим владельцем и продан за большую сумму в Ботанический сад. Лебон был тотчас освобождён, после того как мы разъяснили обстоятельства дела (с некоторыми комментариями со стороны Дюпена) в канцелярии префекта полиции. Этот чиновник, хотя и питавший расположение к моему другу, был

несколько раздосадован таким неожиданным оборотом дела и не удержался от саркастических замечаний насчёт людей, которые любят соваться не в своё дело.

— Пусть его, — сказал мне Дюпен, не считавший нужным возражать префекту. — Пусть отведёт душу. Я довольствуюсь тем, что разбил его на его собственной территории. Во всяком случае, напрасно он удивляется тому, что не сумел разгадать тайны: наш приятель префект слишком хитроумен, чтобы быть глубоким. В его мудрости нет прочного основания. Он голова без тела, как изображения богини Лаверны, или, самое большее, голова и плечи, как у трески. Но, в конце концов, он добрый малый. Я в особенности люблю его за мастерский приём, с помощью которого ему удалось приобрести репутацию проницательности. Я имею в виду его манеру «*de nier ce qui est, et d'expliquer ce qui n'est pas*¹».

---

¹ «Отрицать то, что есть, и распространяться о том, чего не существует» (франц., Ж.-Ж. Руссо).

ТАЙНА МАРИ РОЖЕ

(Продолжение «Убийства на улице Морг»¹)

*Существует ряд идеальных событий,
которые совершаются параллельно
с действительными. Люди и случайности
обыкновенно изменяют идеальное событие,
так что оно проявляется не вполне,
и его последствия тоже оказываются
неполными. Так было с Реформацией — вместо
протестантизма явилось лютеранство.*

НОВАЛИС «НРАВСТВЕННЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ»

Немного найдётся людей, даже из числа самых спокойных мыслителей, у которых бы не являлось когда-нибудь смутной, но непреодолимой веры в сверхъестественное, вызванной совпадениями, до того невероятными, что ум отказывался считать их только совпадениями. От этого чувства — ибо смут-

---

¹ При напечатании «Мари Роже» в первый раз можно было обойтись без примечаний, которыми сопровождается этот рассказ в настоящем издании, но промежуток в несколько лет со времени трагедии, послужившей основой для рассказа, делает их нелишними, равно как и несколько объяснительных слов. Молодая девушка Мэри Сесилия Роджерс была убита

ная полувера, о которой я говорю, никогда не приобретает силу мысли, — от этого чувства можно отделаться, только обратившись к учению о случае, или, как его называют технически, к теории вероятностей. Теория же эта, по существу, математическая; таким образом, аномалии самых твёрдых и точных научных фактов приложимы и к самому призрачному духовному из наиболее духовных умозрений.

Необычайные происшествия, о которых я намерен сообщить, представляют в отношении последовательности времени первичную ветвь ряда почти невероятных

поблизости от Нью-Йорка, и, хотя это происшествие наделало много шума, тайна преступления осталась неразрешённой до времени напечатания повести (ноябрь 1842 г.). Автор этой последней, в форме вымышленной истории одной парижской гризетки, излагает до мельчайших подробностей существенные обстоятельства действительного убийства Мэри Роджерс. Таким образом, все аргументы прилагаются к истинному событию — исследование этой истины, собственно, и было целью рассказа. «Тайна Мари Роже» написана вдали от места, где совершилось кровавое преступление, исключительно на основании газетных сведений. Таким образом, от автора ускользнуло многое, чем он мог бы воспользоваться, если бы сам посетил место действия. Тем не менее нелишне будет заметить, что признания двух лиц (одно из них — госпожа Делюк), сделанные в разное время, много спустя после напечатания этой истории, подтвердили не только общий вывод автора, но и все до единой главные гипотетические детали, послужившие основой вывода.

совпадений, вторичную, или заключительную, ветвь которых читатели найдут в недавнем убийстве Мэри Сесилии Роджерс в Нью-Йорке.

Изобразив в статье «Убийство на улице Морг», напечатанной в прошлом году, некоторые замечательные черты характера моего друга шевалье Огюста Дюпена, я не собирался когда-либо возвращаться к той же теме. Моя цель исчерпывалась изображением характера, а странное стечение обстоятельств, благодаря которому мог проявиться особый дар Дюпена, давало возможность осуществить эту цель. Я мог привести и другие примеры, но они не выяснили бы новых черт.

Однако недавние события в их поразительном сцеплении побудили меня прибавить ещё несколько штрихов к сказанному. После того, что мне привелось услышать недавно, странно было бы с моей стороны хранить молчание о том, что я слышал и видел много лет тому назад.

Распутав трагическую загадку, связанную с убийством госпожи Л'Эспане и её дочери, Дюпен перестал следить за этим делом и вернулся к своему прежнему угрюмому и мечтательному существованию. Склонный по натуре к мечтам, я охотно поддавался его настроению, и, проживая по-прежнему в Сен-Жерменском предместье, мы предоставили будущее воле судеб и мирно дремали в настоящем, набрасывая дымку грёз на окружающий мир.

Но грёзы эти иногда прерывались. Весьма понятно, что роль моего друга в драме улицы Морг произвела впечатление на умы парижской полиции. Имя его сделалось известным среди её представителей. Ни префект, ни другие члены полиции не знали, каким простым рядом умозаключений он был приведён к разгадке, всё это казалось им почти чудесным, и аналитические способности моего друга принесли ему славу почти ясно-видящего. Его откровенность могла бы уничтожить этот предрассудок, но беспечный характер заставил его забыть о происшествии, раз оно потеряло интерес в его собственных глазах.

Таким-то образом Дюпен очутился в положении звезды, неотразимо притягивающей взоры полицейских, и нередко префектура обращалась к нему за содействием. Один из самых замечательных примеров — убийство молодой девушки по имени Мари Роже.

Это происшествие случилось два года спустя после зверского убийства на улице Морг. Мари, имя и фамилия которой невольно наводят на мысль о несчастной жертве нью-йоркского убийства, была единственной дочерью вдовы Эстеллы Роже. Отец умер, когда девушка была еще ребёнком, и со времени его смерти мать и дочь жили на улице Паве-Сент-Андре¹, откуда последняя переселилась только за полтора года до убийства,

---

¹ Нассау-стрит.

послужившего темой нашего рассказа. Вдова держала pension¹, дочь помогала ей. Так шло дело, пока дочери не исполнился двадцать один год. В это время её красота привлекла внимание парфюмера, лавка которого помещалась в подвальном этаже Пале-Рояля, а покупатели принадлежали главным образом к числу отчаянных авантюристов, которыми кишит этот квартал. Месье Леблан² очень хорошо понимал, как выгодно будет для его торговли присутствие хорошенькой Мари за прилавком; а девушка согласилась поступить в его магазин, хотя её матери, видимо, это не нравилось.

Надежды торговца вполне оправдались — его лавочка вскоре приобрела известность благодаря красоте бойкой grizette³. Она провела за прилавком около года, когда вдруг её обожатели были поражены исчезновением хорошенькой продавщицы. Месье Леблан не мог объяснить её отсутствия, а госпожа Роже была вне себя от беспокойства и страха. Газеты немедленно занялись этим делом, и полиция намеревалась предпринять серьёзное расследование, когда в один прекрасный день спустя неделю Мари, здоровая и невредимая, но несколько печальная, снова появилась за прилавком.

---

¹ Пансион (*франц.*).

² Андерсон.

³ Г р и з э т к а (*франц.*) — работающая девушка (белешвейка, продавщица, цветочница и т. д.).

Разумеется, всякое расследование, кроме некоторых справок, было тотчас же прекращено. Месье Леблан по-прежнему уверял, что ничего не знает. Мари и мать её отвечали на расспросы, что она, Мари, провела неделю в деревне у одного родственника. Так это дело и заглохло и было забыто, тем более что девушка, которой, очевидно, надоели назойливость и любопытство посетителей, вскоре распростилась с парфюмером и переселилась обратно под крылышко матери, на улицу Сент-Андре.

Спустя пять месяцев после возвращения под родительский кров друзья Мари были встревожены её повторным исчезновением. Прошло три дня, а о ней не было ни слуху ни духу. На четвёртый тело её было найдено в Сене¹ близ отмели против улицы Сент-Андре, недалеко от заставы Дюруль².

Жестокость этого убийства (факт убийства был очевиден), красота и молодость жертвы, а главное — её прежняя известность возбудили большое волнение в сердцах чувствительных парижан. Я не могу припомнить другого случая, который произвёл бы такое сильное впечатление. В течение нескольких недель только и разговоров было, что об убийстве Мари, — даже о политике на время забыли. Префект из кожи лез, и парижская полиция напрягала все свои силы.

---

¹ Гудзон.

² Уихокен.